

Арбатский мальчик сыграл шекспировского Клавдия. Дворовый король сыграл короля настоящего. Для того, чтобы это случилось, понадобилась жизнь. Жизнь актера.

Я почти не помню настоящего Арбата. Высотные дома Калининского, квадратички асфальта, а если свернуть и пройти чуть-чуть — будто декорация, с фонарями-пришельцами, — вот он, мой Арбат. Александр Збруев вырос совсем на другом Арбате, который для меня почти легенда. И это не просто факт биографии. Здесь — начало всего. Здесь — истоки. «Арбатство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа», — сказал поэт.

— Когда меня спрашивают, кто мои учителя, — мы разговариваем с актером в гримерной театра, где он проработал всю жизнь, — Театра имени Ленинского комсомола, — я называю, конечно, Владимира Абрамовича Этуша, своего педагога в Щукинском училище. И Анатолия Васильевича Эфроса, в чьих спектаклях сыграл лучшие, на мой взгляд, театральные роли. И Марка Анатольевича Захарова... Но ведь и Арбат — он тоже мой учитель. Как общаться с людьми? Что такое предательство и дружба, любовь и равнодушие, благородство и трусость? Разве эти уроки можно забыть? Мне их давал Арбат...

Он рос на Арбате в те годы, когда война еще не отгорела. Жил бесшабашно и легко. Среди его друзей искусство свистеть ценилось куда больше, нежели умение хорошо решать математические задачи. Он гонял голубей и пугал зазевавшихся прохожих. Кинотеатры «Арс» и «Кадр» отогревали после хождения по холодным арбатским переулкам.

Он карабкался по лесам разрушенного здания на мальчишескую «сходку». А «сходки» вдруг не было... Куда деваться? Он «девался» в театр. Его старший брат — актер в Театре имени Евг. Вахтангова. Младшего Збруева знали билетеры, и младший Збруев ходил на «Соломенную шляпку», на «Много шума из ничего»... Знал наизусть многие роли, видел гениев вахтанговской сцены.

Саша Збруев стеснялся мечтать быть актером. Да и школьные оценки не располагали к подобным мечтаньям. Но мама Саша Збруева понимала: если сын ничем не увлечется, его уличная жизнь может «завести» далеко (что, кстати, и случилось с его некоторыми друзьями). И мама отвела сына не к кому-нибудь, а к Надежде Михайловне Вахтанговой, вдове знаменитого режиссера. В квартире-музее Евгения Багратионовича улич-

Парень с Арбата

ный человек Саша Збруев растерялся, что, в общем-то, ему было мало свойственно. А потом были вступительные экзамены в училище. Его приняли. И вдруг оказалось, что играть в театре еще интереснее, чем смотреть спектакли. Сцена перетянула. На улице он стал бывать все реже. Но Арбат в душе остался.

Конечно, арбатскому парню хотелось играть что-нибудь очень театральное, очень на него самого не похожее. Он играл Чехова, Островского, делал сложный грим, накладывал живот. А получалось скучновато и обычно... А когда перестал работать на «характерность» — стал самим собой, оказалось, что это-то и есть самое интересное. Оказалось, что именно такой парень с Арбата и был ожидаем.

Збруев совершил тогда выбор, который определил его творческий путь на десятилетия вперед. Обаятельный парень с открытой улыбкой, который не столько помнит о том, что было, сколько надеется на то, что ждет впереди, — герой фильмов, спектаклей начала шестидесятых. Типаж понятный и необходимый. Збруев оказался очень кстати и вовремя.

Впервые он снялся в кино: фильм Александра Зархи «Мой младший брат». Между актером и его героем можно было ставить знак равенства. Збруев рассказывал о себе, о своих друзьях-ровесниках. Так и пошло из фильма в фильм. Спектакли Театра Ленинского комсомола, который в то время возглавлял Анатолий Эфрос, открыли Збруева, пожалуй, больше, чем кино. В спектакле «Мой бедный Марат» по пьесе Алексея Арбузова произошло, казалось бы, нормальное, но практически не так уж часто встречающееся совпадение: замечательной пьесы, режиссуры и партнеров. Ко всему этому прибавилось страстное желание самого Збруева доказать, на что он способен. Критики и зрители открывали актера. Удивлялись его умению показывать драму человеческой жизни без надрыва и ложного пафоса. От того драма становилась еще более страшной, близкой каждому сидящему в зале. Для актера же роль эта, работа с Анатолием Васильевичем Эфросом была и откровением, и счастьем.

Если бы Збруев не хотел ломать устойчивое течение жизни, в том числе и установившийся взгляд на самого себя, ему было бы куда легче жить. Но он всегда стремится строить жизнь, а не подчиняться ее течению. А это занятие трудное и, главное, не всегда благодарное.

— После фильма «Два билета на дневной сеанс», — говорит Збруев, — я понял, что играть себя больше не могу. Скучно. Предел наступил. Невозможно все время идти по одной и той же дороге. Хочется и пейзаж сменить, и себя в этом пейзаже. И я стал сниматься в плохих фильмах — не будем их вспоминать, ладно? — лишь бы там роль была иная, лишь бы попробовать стать другим. Сам себя завел в тупик, из которого теперь выбираюсь.

Парень с Арбата иногда прорывался на экран. Ганжа из фильма «Большая перемена» принес актеру огромную популярность. Но сам Збруев уже был другим, не просто не похожим на Ганжу, но во многом — его антиподом. Глубже. Драматичнее. Старше, в конце концов. У мальчика с Арбата уже дочка назначала свидания в арбатских переулках.

— Вы думаете, мне не хочется свой экранный образ сломать? — не столько спрашивает, сколько утверждает Збруев. — А что делать? Не сниматься? Я — актер. У меня профессия, если хотите — ремесло. Значит, я должен им заниматься, иначе — какой смысл в моей жизни? Моя ли вина, что в театре я долго ничего не играл? И в кино нас выбирают, а не мы. У меня тридцать пять фильмов — это немало. А что вспомнить? Роли-исповеди, роли-откровения у меня не было. В театре... «Иванов», «Хория», потом — долго ничего. Эпизод в «Оптимистической трагедии». Правда, вот сейчас...

...Человек стоит за трибуной в застегнутом на все пуговицы военном френче. Говорит веско, достаточно темпераментно, но без лишней истерики и надрыва. И от этого становится жутко. «Насилие и принуждение, удар бича, если хотите, — это не злая выдумка плохого человека, это абсолютно естественный и объективно необходимый этап. И не надо бояться испачкать руки». Герой не придуманный. Истинный.

Живший на самом деле и на самом деле применявший эту свою страшную теорию. Андре Марти — персонаж истории — персонаж пьесы Михаила Шатрова «Диктатура совести». Сложнейшая для актера роль. По существу, вся она — речь за трибуной. Честь и хвала режиссеру спектакля Марку Захарову, который помог актеру создать за несколько минут образ человека, забывшего, что такое гуманизм, для которого люди — безликая масса, и не более того, Но, думаю, не смог бы столь, я бы сказал, истово сыграть артист, если бы...

— Я очень хорошо знаю, про что играю. Знаю про таких людей. Это — моя боль и рана. — Збруев говорит взволнованно, потому что о больном говорит. — Мой отец погиб в 1938 году, мать с грудным ребенком сослала. Потом отца реабилитировали, но это — потом... Андре Марти — из породы тех людей, которые отняли у меня отца. Не знаю, как именно судьба актера отражается на его ролях, но уверен: без судьбы нет актера. Актер должен ощущать себя соавтором, а не частью декорации. Только тогда роль может состояться.

Этот принцип был бы общим местом — мало кто из актеров так не думает, — но Збруев его постоянно осуществляет. Его вечная неудовлетворенность, стремление противиться расслабляющему течению жизни проявляется даже в не-крупных ролях.

Фильм «Храни меня, мой талисман» Романа Балояна вызвал много споров. Хочу сразу сказать: отношусь к горячим поклонникам этой ленты. Для меня — это фильм о том, что эфемерный, казалось бы, мир литературы (конкретнее — литературы Пушкина) на самом деле такая же, если не бо́льшая реальность, как мир, нас окружающий. Мир Пушкина может судить нас, казнить и миловать. Роль Збруева — не главная, но, не будь она удачной, думаю, картина не состоялась бы. Вспомните, как естественно его герой живет Пушкиным. Как, играя хранителя пушкинского мира, человека, этим миром воспитанного, сдержанно и точно показывает актер и достоинство, и простоту своего героя.

Фильм снимался параллельно с работой, которая на сегодня для Збруева главная в театре. Шекспир. «Гамлет». Роль Клавдия. О «Гамлете», поставленном на сцене Театра имени Ленинского комсомола Глебом Панфиловым, написано немало. Не будем повторяться. Думается, что роль Збруева не только лучшая в этом неровном спектакле, но его Клавдий — наиболее живой и попросту интересный человек. Клавдий, каким его играет Збруев, — человек, живущий чувствами. А неуемные чувства всегда сильнее рассудка. Для Клавдия обрести власть — не самоцель. Получив власть, он получает Гертруду — вот ради чего стоит биться. Но цель, достигнутая такими средствами, радовать не может. Ощущение непоправимой вины растет. Когда — в финале — Гамлет с обнаженной шпагой наступает на Клавдия, король не сопротивляется, принимает удар открыто. Ему не нужна жизнь без Гертруды. Постоянный гнет вины может исчезнуть только вместе с самой жизнью. Арбатский мальчик сыграл Клавдия. Дворовый король сыграл короля настоящего.

Збруев до сих пор, пожалуй, остается актером нераскрытым. Его человеческий облик гораздо интереснее того, который предстает при упоминании его фамилии. Может быть, нового Збруева откроют его ближайшие работы? На экраны выходит фильм «Одинокая женщина желает познакомиться» В. Криштофовича, скоро появится и еще одна премьера «Попутчик» И. Киосашвили. Премьера и в театре — «Карманный театр» Ж. Кокто поставил П. Штейн.

Что ж, вспомним еще раз Булата Окуджаву: «А кто-то кричит мне с порога: «Это ж не дорога, а морока!.. А мне спешить далеко-далеко, жизнь не дается на два срока».

Метания и поиски. Конечно, трудно с ними. Конечно, обременительно. Но без них нет судьбы художника и самого художника — тоже не бывает.

Збруев мечтает поставить спектакль. Ищет материал. Бойтся. Тревожится. Но мечтает. Хочу, чтобы эта мечта осуществилась. Мы вправе ждать от этого актера неожиданностей.

Андрей Максимов.

Собеседник
1984, июль, №20